

Решетов А.М. Основные проблемы изучения общества охотников, собирателей, рыболовов // Кратк. содержан. докл. научн. сессии Института этнографии АН СССР. – Л.: Наука, 1977. – С.24.

Смирнов М.Н. Охотники и охотничье хозяйство в доземледельческий период: Учебн. Пособие / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1996. – 66 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура ... М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

Таксами Ч.М., Косарев В.Д. Кто вы айны? // М.: Мысль, 1990. – 320 с.

УДК 908.571.1 “1920/1930”

СВЕДЕНИЯ О БЫЛОЙ ЖИЗНИ ЭВЕНКОВ В ДОЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

В.Н. Скалон.

Иркутская государственная сельскохозяйственная академия

В настоящее время всеобщей перестройки жизни на Севере, когда индустриализация охватывает там один район за другим и быт населения изменяется в корне, небезинтересно вспомнить о прошлом, тем более что прошлое Севера ушло весьма мало изученным. В особенности, это касается небольших этнических групп, в данном случае – эвенков доенисейской Сибири, живших в отрыве от основных местобитаний своего народа.

Наша литература еще не имеет исчерпывающих данных о доенисейских эвенках даже до настоящего времени. Между тем исследователь, придя к эвенку сегодня, не найдет того, что за сорок лет ушло в давнее прошлое уже забыто, но что необходимо уточнить для правильного понимания действительности.

Исторические данные о происхождении эвенков к западу от Енисея очень скудны. Можно сказать только, что этот путь был известен давно. У Н. Кострова (1857) мы находим указание, повторенное С. Паткановым (1906), что в 1608 году эвенки делали нападение на Кетский острог, (ограничиваясь, впрочем, стычками с соседними с ними, уже мирными остяками). Само переселение эвенков на левобережье Енисея относится, видимо, ко временам новейшим. Согласно мнению С. Патканова (1906), а позднее Е.Н. Орловой (1928) и И. Василевич (1931) основанным на различных соображениях, оно произошло не ранее первой четверти XIX века.

Нам думается, что это едва ли верно – предания местных эвенков позволяют предполагать гораздо более раннее их проникновение сюда. Тем более И. Василевич (1931) на основании глубоких лингвистических изысканий, приходит к выводу, что группы доенисейских эвенков давно откололись от основного, восточного, эвенкийского центра.

В отношении же скудости сведений о них она предполагает, не без основания, что в течение долгого времени эти группы могли оставаться, незамеченными и не учитывались.

Заметим, что последнее могло иметь место лишь после отмены государственной монополии на пушнину, ибо ранее от внимания сборщиков ясака едва ли ускользали даже небольшие туземные группы.

Переписью 1897 г. было установлено следующее количество эвенков по левобережью Енисея: р.М.Кас – 10, на р.Оленьей (приток Кети) – 21, в Туруханском крае по р.Поклькы – 20, по Тазу, без точного указания (отмечу, что р.Поклькы, вероятно, приток Таза) – 15, в бассейне р.Худосеи – 47 человек. Кроме того, одна семья была обнаружена, в Томской губернии, следовательно, не восточнее среднего течения Кети и Сыма, и одна – в Тобольской, вероятно в Ларьякской инородческой управе.

Отметим, что до революции эвенки вполне регулярно выходили в Ларьяк на Вахе, где с 1922-1923 гг. совершенно не появлялись (личные сообщения аборигенов и старожилов Ваха).

Интересно отметить указания В. Бартенева (1896), что в прошлом столетии эвенки доходили до Обдорска (Салехард), случаев чего в нашем веке мне неизвестно.

В 1931 г. распространение по национальным советам эвенков в доенисейской Сибири представлялось в таком виде:

“Сымско-Касский – 39 хоз., 174 едока, Елогуйский – 2-4 хоз.; Верхне-Тазовский – 26 хоз. около 140 едоков; Тымско-Караконский – 2 хоз.; Чапогыро-Панкагырский – 25 хоз., 132 едока”.

В пределах правобережья Оби эвенки обитали в бассейне р.Пайдугиной, в верховьях Кети и Тыма, всего, по Орловой (1928) 40-50 семейств. Кроме того, я нашел в верховьях Колёк-Ёгана, правого притока Ваха одно хозяйство, которое пришло туда около 1920г.

По левобережью Оби эвенки в количестве 20-22 семей обитали в верховьях Чежапки и Няръкы, притоков Васюгана. Проникли

они, однако, и далее на запад. Так И. Щухов (1927) обнаружил одну семью в бассейне р. Урны, а на Демьянке и поныне обитает 4-5 семей, о которых я имел сведения в 1939-1940 гг. Эти же или другие 3-4 семьи обитали в верховьях Туртаса.

Сопоставление показывает, что за 33 года количество эвенков в доенисейской Сибири очень возросло и, что важно, чрезвычайно расширилась область их обитания: к северу – до верховьев Турухана, к западу – поперек бассейна Оби до верховьев притоков Иртыша.

По-видимому, процесс расселения эвенков не закончился и в период исследования. Он протекал на наших глазах. Например, отдельные семьи уходили с верховьев Таза на Колёк-Ёган (группа Баяки), на Васюган с Елогуя (Докуновы из группы Баяки), наконец я знал на верховьях Таза эвенков, пришедших с Васюгана и с Елогуя.

Причину этого расселения С. Патканов (1906) видит в оскудении пушных богатств в местах исконных поселений эвенков Е.Н. Орлова (1928) также считает, "...что основной причиной проникновения тунгусов в Нарымский край является гоньба за белкой". К этому же заключению склоняется Василевич.

Несомненно, однако, что первенствующую роль среди причин этих переселений играли факторы социально-экономического порядка.

В старину имели место большая вражда между родами, междоусобные войны и классовая борьба, возникавшая по мере перехода родового строя в феодальный, пережитки которого мы наблюдали до недавних лет.

С появлением русских возник мощный фактор соприкосновения с ними.

Причиной выселения, даже весьма дальнего, отдельных семей могли быть факторы того же порядка, но обратного значения. Например, упомянутое изолированное хозяйство на Колёк-Ёгане принадлежало известному шаману Гавриле Баякину, который, выслившись с верховьев Таза, получил большую популярность среди местного населения, вследствие чего укрепил свое хозяйство и взял вторую жену, молодую хантейку (первая жена – эвенкийка из рода Докуновых).

Этот факт показывает, что эвенкам-шаманам случалось расселяться и в целях чисто экономических. Между прочим, склонность

к шаманству у эвенков в этих местах была выше, чем у соседних народов. Об этом пишет Е.Н. Орлова: “На Кети тунгусы являются хранителями культа, обслуживающими местных остяков-самоедов” (1928). На верховьях Таза я обследовал подробно 61 хозяйство селькупов (и кето), в них оказалось 7 шаманов, из них 2 известных. Эвенков было 29 хозяйств, из них 6 шаманов, из коих 3 наиболее известных.

Не подлежит сомнению, что значение охотничьих причин в переселениях также имело место, нужно только отметить, что говорить при этом об оскудении охотничьих животных вообще не приходится.

Исчез соболь, но лишь в нынешнем столетии (восстановление его ареала – достижение последних 10-15 лет). Что же касается белки, то вопрос об ее уменьшении крайне спорный. При этом эвенк – обычно охотник превосходный – сумеет добыть ее, не прибегая к переселениям, и по отношению к нему, знатоку тайги, выражение “гоньба за белкой” неприменимо. Нормы добычи заенисейских, коренных эвенков, отнюдь не выше, чем их западных собратьев. А белка была основным источником эвенкийского хозяйства.

Другое дело – дикие копытные. Потребность в добывании этих зверей в наибольшей степени служила причиной дальних кочевок и самих переселений эвенков. При расспросах васюганских и демьянских эвенков приходилось слышать, что в эти места их именно и привлекло обилие копытных. То же целиком относится к Елогую и верховьям Турухана. Например, Чапогыро-Панкагырская группа, до конца прошлого столетия населявшая бассейн р. Худосеи, который тогда изобилывал диким оленем. С исчезновением дикого оленя эвенки переместились на верховья Турухана, где дикий олень сохранился до сих пор. При этом эвенки пошли на значительную ломку быта, почти выйдя из пределов леса. В то же время на Худосее белка была, как есть и сейчас, а в бассейне Турухана она находится на границе своего распространения.

Посмотрев на карту распространения копытных по Северо-Западной Сибири, мы сможем убедиться, что эвенки наиболее сохраняли исконный, так называемый “бродячий” образ жизни именно в районах, изобилующих этим зверем (верховья Турухана, Васюганье). В то же время (и это немаловажный фактор) эвенкам до последних лет было свойственно большое стремление сохранить из-

древле привычные дальние маршруты. Передвижения в сотни километров не были для них редкостью, и необходимость ограничить передвижения десятками километров вызывала сетования стариков.

Это оказывалось возможным, а может быть, было следствием необыкновенной способности эвенков ориентироваться в местности. В свое время, при охотустроительных работах, мне пришлось убедиться, что эвенки до мельчайших подробностей знали ситуацию в миллион гектаров, отлично представляли ее себе миллионов на пять гектаров и очень хорошо ориентировались в речных системах. Когда в 1929-1930 гг. А.Ф. Ткаченко и я составляли карту Таза, аборигены делали нам чертежи своих угодий и среди них эвенки давали материал удивительной точности. Им мы показывали для исправления то, что рисовали кэто или селькупы, а проверкой на местах убеждались в превосходстве эвенкийских знаний.

Об этой способности эвенков писал в свое время исследователь Оленека А.Л. Чекановский, позднее В.И. Подгорбунский и др.

В свое время один из участников землеустроительной экспедиции Отрыганьева, обследовавший в начале нашего века так называемую Васюганскую тундру, рассказал мне следующее.

Их отряду надо было пройти с р.Туртаса в бассейн Васюгана, проложив маршрут прямо на устье этой реки, к с.Каргасек. Проводника найти не удавалось, и быть им согласился молодой эвенк с р.Нюрельк. Он сказал, что в Карагасеке он не бывал, но обещал вывести к нему отряд в положенное время. И вот он с полной уверенностью вел отряд напрямик и, действительно, угадал почти совершенно точно, в устье р.Васюган, против с.Карагасек.

Такие феномены ничуть не удивляли тех, кто близко знал эвенков тех времен, когда их с такой любовью характеризовала Л.Н. Доброва-Ядринцева (1925).

Если в силу родственных связей, а чаще по слабости стада, эвенки бывали вынуждены оставаться на длительный срок среди иных народностей, они оказывались вынужденными изменить образ жизни¹; они постепенно оказывались в кругу освоенных террито-

---

¹ Исконный образ жизни, т.е. сохранение производственных передвижений в течение круглого года, использование оленя под верх при кочевье, отсутствие неподвижных жилищ, преобладание охоты над рыболовством. Как говорили по Верхнему Тазу: "Настоящий тунгус век тайга смотрит, сургут (самоназвание местных кето и селькупов) век вода смотрит". (Здесь и далее в статье примечания автора. Ред.)

рий, фактически распределенных угодий, эвенкийский образ жизни на которых, естественно нарушал права соседей.

Пример этого имелся у эвенков, обитающих в районе северной тайги – правобережья Енисея, где они в значительной степени слились с русским населением. То же было во многих местах Бурятии и Читинской области (Борзинский, Алекзаводский и Газимурозаводский районы)¹.

Особенно интересна судьба эвенков в верховьях Таза. Хотя в этом районе, по нашим данным, на душу населения в 1929-30 гг. приходилось 6954 га угодий, отчасти обесцененных гарями, они были четко распределены между охотниками. Население, обитающее в районах рек, имело строго определенную территорию землепользования. Заинтересованность в угодьях была такова, что даже на заход отдельных семейств население реагировало болезненно. Ряд конфликтов 1925-1928 гг., принимавших острые формы, вызывал даже необходимость посылки специальной разграничительной экспедиции в 1929-1930 гг.

В результате эвенки вынуждены были приспособливаться к существующему укладу и постепенно, несмотря на большую численность, (достигшую к 1929 г. 1/3 всех семейств) нацело восприняли быт окружающего населения и значительно с ним ассимилировались.

Они утратили летние передвижения и верховую езду на оленях. После комариного периода, а иногда и на все лето, отпускали оленей в тайгу. Приняли ранее вовсе почти не применявшуюся оленью санку. “Сидели” в морозную пору в большинстве в землянках. Летнее время использовали для интенсивной рыбной ловли и рыбой, главным образом, питались. В значительной степени утратили родной язык. Сами они прекрасно отдавали себе отчет в происходящей ассимиляции. Старики с грустью вспоминали былые дальние мар-

---

¹ Еще более это относится к эвенкам, расселившимся в пределах Восточной Монголии. Они распространены там, главным образом, в пределах восточного Хентея, на запад, не доходя до меридиана Улан-Батора. Такую группу я обнаружил в верховьях реки Онона летом 1944г. Эти эвенки полностью перешли к скотоводческому хозяйству. Они омонголились или, скорее, обурятались, ибо почти не выходят из притаенной полосы, освоенной преимущественно бурятами. Родной разговорный язык почти полностью забыт, сохранилась лишь память о национальной принадлежности, родовые названия да имена, наряду с монгольскими, и некоторые детали быта, главным образом одежды.

шруты: многие бывали на Васюгане, на Сыму, на Обь-Енисейском канале, даже на Каменной стороне, словом в местах, которых младшее поколение совершенно не знает. “Наш тунгус, однако, век кончил”, – говорили они на своем своеобразном русском языке.

Потеря национальных особенностей из года в год закреплялась смешанными браками, и недалеко, казалось то время, когда от эвенков на Тазу останется одно воспоминание¹. Это уже произошло с двумя эвенкийскими семьями в Тымско-Караконском нацсовете, в которых родным языком не владели даже и главы семей.

Нет, разумеется, никакого основания толковать эти явления в смысле неизбежности потери эвенками национального лица при перемене быта, о чем свидетельствовали прекрасно развивающиеся Эвенкийские колхозы, скажем на Сыме или Тyme.

В местах, где эвенки не сталкивались с трудностями в осуществлении кочевий, например, в пределах бывшего Нарымского края, они полностью сохраняли свои бытовые особенности. То же относится к обитателям верховьев Таза. По данным нашей экспедиции (Ткаченко, 1980) в 1929-1930гг. группа этих эвенков в 25 семей занимала 1690 тыс. га, или 12803 га на человека.

Обитая в основном на территории госземфонда, эти группы, особенно малочисленные обитатели водоразделов Оби с Енисеем и Иртышом, имели полную возможность осуществлять любые переходы.

Интересно остановиться на возможном будущем разрозненных эвенкийских групп, в особенности нарымской. В отношении их совершенно нельзя согласиться с мнением Е.Н. Орловой (1928) полагавшей, что здесь нельзя ожидать численного увеличения эвенков. Свое заключение она основывала на том, что “...оленоводческие возможности в крае недостаточны, главное и основное – недостаток ягеля”. Это, конечно, совершенно неверно, в особенности для левобережья Оби. Если до сих пор оно прокармливает большое количество диких оленей, идущих на юг почти до Колывани, то почему здесь невозможен подсобный тип оленеводства? Тем более что домашние олени находятся в лучших условиях развития. Да ягель и не определяет собою самую возможность таежного оленеводства. Почти то же можно сказать относительно тайги правобережья, на

---

¹ На этот факт указывала в свое время Доброва-Ядришцева, говоря о “тунгусах Елогуйской управы” (1925).

обширных участках которой отмечались нами мощные площади неиспользуемых ягелей.

Ожидать численного увеличения эвенков в Нарымском крае было можно и должно, и важно подчеркнуть большое значение, которое они могли бы иметь в развитии хозяйства.

Как уже было сказано, на водоразделах Оби с Енисеем и Иртышом эвенки занимали участки удаленные, доступные им только в силу обладания оленями, дающими огромное преимущество. Исчезновение оленей, даже падение мощности стад, неизбежно вырывает из эксплуатации обширные площади высокоценных угодий.

Мне случалось указывать в печати (Скалон, 1938) на то, что нарымские эвенки (а отчасти и их доенисейские сородичи) являются хранителями исчезающей в доенисейской Сибири расы тунгусского оленя, крупного и выносливого, выгодно отличающегося от других рас. От сокращения в прошлом эвенкийских стад, от угасания самой культуры таежного эвенкийского оленеводства эта ценная порода постепенно исчезает, что крайне нежелательно. В свое время я поднимал вопрос о чрезвычайно важной задаче сохранения таежного и лесотундрового оленеводства (Скалон, 1931). До сих пор на больших площадях Западной Сибири пространство превышает возможность освоения их человеком. Олень и только он, дает возможность использования огромных угодий¹. Эвенки же, этот самый ценный "капитал" тайги, могут и станут истинными хозяевами этой искони близкой им отрасли.

Хозяйство и быт маленькой Чапогыро-Панкагырской эвенкийской группы почти не были исследованы, а присущие им в прошлом особенности в то же время заслуживают специального внимания.

По материалам специального земельного обследования (Скалон, 1931; Шухов, 1929) границы занимаемой этим родом территории в 1929-1930 гг. определялись так: "От трехгранного пункта земле-

¹ Говоря об этом, еще раз подчеркнем свое решительное несогласие с теми мероприятиями, которые за последнее, время успешно осуществляются сторонниками акклиматизации в тайге тундровых оленей. Быть может, в результате затраты огромных сил и больших средств можно добиться того, что мелкие и коротконогие тундровые олени как-то привыкнут жить и размножаться в тайге. Спрашивается, какой же смысл во всех этих хлопотах, когда мы располагаем великолепными породами таежных оленей, которые исчезают? Неужели не очевидно, что гораздо дешевле и всесторонне целесообразнее заняться этими отечественными породами?

пользований род. советов: Тымско-Караконского, Тазово-Юрацкого и Чапогыро-Панкагырского, что в слиянии истока из оз. Чирового и с р. Святой, вверх по течению р. Святой до озера того же названия, от него до слияния р. Щучьей с р. Худьягой, далее на слияние рек Серебряковской и Русской (Лючи-яга), впадающей в Таз. Затем на устье Сутгы-яга (правый приток Хай-яга) и по ней до истоков и далее на вершину левого притока Б.Хеты – Танны-яга; по ней вниз до устья и вверх по Б.Хете, через приток Бюнель Бира на оз. Маковское (Макойгыль-то). От него вниз по Макой-кы до сближения с р. Бродяжьей и по ней до Турухана. По Турухану вверх по р. Русской до вершины оз. Чирового”. Таким образом, бассейн Верхнего Турухана (выше Янова Стана) целиком находился в границах рода, центром территории которого было обширное Богово озеро. Осваиваемая площадь равнялась 1690000 га при 12803 га на человека.

Нельзя не признать, что выше очерченная территория во много раз превышала возможности освоения 25 семей, но при этом нужно иметь в виду, что в некоторой части ее мы имели факты совместного с соседним населением освоения угодий, обычно бесспорного. Так, в верховьях Б.Хеты пастники эвенков сходились и заходили друг за друга с пастниками дудинских ненцев. По Макой-кы обычные заходы кето, со стороны Таза кочевки эвенков смешивались с ненецкими, а на юге соприкасались тесно с угодьями тымско-караконских и баишенских селькупов.

Большая часть указанной территории представляет лесотундру. Исключением будет юго-восточная и часть восточной границы в нижнем и среднем течении Турухана и притоков его Блудной и Макой-кы; эту часть можно назвать тайгой. Зато в северо-западной части района, по водоразделу Турухана и Таза и к западу от него, мы имеем почти чистую тундру, разнообразящуюся лишь узкими кромками лиственничных насаждений вдоль речек.

Охотничья фауна не разнообразна. На первом месте по экономическому значению стоит песец. Распространенный по всему району, он размножается и встречается в значительном количестве только в северных частях района, за полярным кругом. К этим участкам приурочены и пасти охотников – их главное достояние. Из крупных хищников по всей территории распространены лисица и рососомаха, имеющие второстепенное значение. Волк – гроза оленеводов – распространен широко, приносил вред, но добывался крайне редко. Почти до пределов леса встречается медведь, но редок. Выдра зарегистрирована только по Турухану, на юге участка, и не

доходит, видимо, до полярного круга. Горностай встречается повсюду. Белка, доходящая в небольшом количестве до Богова озера, в производственном количестве встречается только в южных и восточных частях района и не составляла основы охоты, кроме разве малооленных на оз.Момчик. Особое место в жизни данной группы занимал дикий олень. Встречается он по всему району, значительно увеличиваясь в числе к северу. Охота на него имела определяющее значение в смысле снабжения мясом, а особенно сыром: “постелями”, камасом, лбами и т.п.

Из птиц существенное значение имели водоплавающие, особенно гуси, а также куропатки.

Рыба эвенками добывалась, главным образом, черная. Из сиговых на первом месте был озерный сырок, в Турухане и его притоках, а также по Тазу случалось добывать и другие ценные породы: чир, муксун, пыжьян.

Группа, как сказано, состояла в 1929-1930 гг. из 25 семей (132 чел. обоего пола) неоднородного происхождения.

По преданиям, они производят себя от трех братьев, ушедших некогда на Турухан из Илимпеи. К ним впоследствии присоединились три семьи Елогуйских эвенков по фамилии Давендук (или Давидук). Русские фамилии у эвенков имеют случайное происхождение. Например, дед Аркадьевых носил имя Аркалан, русские звали его Аркадий, а его дети стали писаться Аркадьевы. Есть еще Орловы, Даурские.

Отколовшись довольно давно от основной эвенкийской массы, изменив коренным условиям обитания, т.е. в лесу, будучи окружена чужеродными национальностями, эта группа целиком сохраняла не только национальное лицо, но и характерный быт – постоянные передвижения, включив в него лишь употребление санок в зимнее время.

Между тем соседняя, гораздо более мощная группа эвенков на верховьях Таза, ассимилировалась, как мы видели, почти совершенно.

Тымско-караконские эвенки обслуживались главным образом факторией Кэппар на Турухане, эвенки выходили и на Таз, и на Енисей. В связи с этим учесть количество добываемого ими зверя было очень трудно и приходится пользоваться только данными анкетными.

1928/29гг.

Белка		Песец		Лисица		Горноста́й		Дикий олень	
общая	средн.	общая	средн.	общая	средн.	общая	средн.	общая	средн.
1185	47,4	96	4	5	0,2	233	9,3	152	6

Прежде всего необходимо оговориться, что этот год не был характерным, так как дал самый незначительный выход песка, основы бюджета группы. Так в 1929-30гг. один из хозяев добыл 250 песцов, а по 80 и более на хозяйство добыли многие.

Рассмотрим в самых кратких чертах, каким был годовой цикл туруханских эвенков.

Началом года у них считался весенний прилет птиц и отел важенок.

Апрель. Время весновки. Он был занят, главным образом, уходом за оленями, как стельными важенками и новорожденными телятами, так и за всем стадом, весьма беспокойным в пору разрыхления снега. Производился промысел пушальными рыбами по берегам. Домашний досуг посвящался приготовлениям к летнему сезону.

Май. Производилась передвижка для смены пастбищ. Месяц усиленной ружейной охоты за прилетной птицей. Добыча рыбы отходила на второй план. Оленей держали в "башмаках", что доставляло немало хлопот, т.к. олень требует ежедневного переодевания башмака с ноги на ногу. Женщины пользовались последними холодами для заготовки в месте наличия березняка березовой стружки на утиральники и упаковку посуды – она изготавливается из березовой заболотни, но только в холодное время.

Июнь. Добыча птицы продолжается. Рыбу ловили случайно. В июне молодые телята уже окрепли и хозяйству можно двигаться, переезжали верхом. Реки, в случае надобности, переезжали на плотах-саликах или в "ветках". Остановки при кочевках были нерегулярны, зависели от качества пастбища или от случайных причин; продолжительность их от 2-3 дней до 2 недель. Общее направление движения – в той или иной степени кольцевой маршрут.

Июль. Также двигались небольшими аргишами (переходами). Обладатели неводов занимались промыслом на подходящих местах. Шла добыча молодой птицы. В случае удачного рыбного промысла рыба заготавливалась впрок, но не в большом количестве и не всеми.

Август. Начинались дальние заезды для охоты на “диких”, а также установка, а главным образом, – починка пастей на песца.

Сентябрь. Большая охота на диких. Заготовка впрок (сушка) оленьего мяса.

Октябрь. Возвращение к местам весновки, где оставлен зимний скарб, упакованный в санках. Конец летних верховых переездов. Забрав зимнее имущество, и оставив то, что не понадобится до лета, отправлялись к озерам ловить рыбу на приманку к пастям. Конец октября – насторожка пастей.

Ноябрь. Покончив с пастниками, отправлялись к “пеляжьим озерам” – к местам озерного сырка и тут проводили наиболее морозное время. Расстановка капканов, осмотр пастей, подледный лов пушальнями.

Декабрь и январь. Подледный лов рыбы и разезды для высмотр-ра капканов и пастей.

Февраль. Большой выезд на охоту за дикими оленями, которых выслеживали и гоняли на санках и лыжах.

Март. Продолжалась добыча диких. Подвозка леса к пастям, требующим починки, и к местам, где надлежало установить новые (заготовка материала к августовским работам). В конце марта “роняли” пасти, т.е. выводили их из настороженного состояния; в прежнее время это делалось в апреле.

В конце марта – начале апреля обычно происходил родовой съезд.

Так складывался годовой цикл нормального хозяйства, т.е. об-ладавшего необходимым по данным условиям подвижным составом оленей. Чем меньше стадо, тем, разумеется, короче и менее продолжительными были маршруты и фактически прекращались со-всем, когда не хватало тягловой силы. Мечтой каждого обедневше-го звенка было накопление стада именно для получения возможно-сти осуществлять передвижения, и он возобновлял их даже в ущерб стаду, в смысле излишнего его изнурения.

При описании хозяйств чапогыро-панкагырских эвенков на пер-вое место следует поставить оленеводство, которое у них имело ис-ключительно подсобный характер и служило главным образом для целей транспорта. При этом оно играло решающую роль как основ-ное средство производства, от которого зависело все благосостоя-ние.

Общее количество оленей, принадлежавших в 1929 г. 29 хозяй-ствам, равнялось 422, т.е. в среднем 18 голов на человека при мак-

симуме в 75 и минимуме в 2 головы. По полу и возрасту стадо распределялось так:

Самцы до года		Хоры		Быки		Самки до года		Важенки		Яловые	
общ.	средн.	общ.	средн.	общ.	средн.	общ.	средн.	общ.	средн.	общ.	средн.
31	1,2	17	0,7	162	6,5	46	1,8	170	7	27	1

Убыль стада за 1529г. выразилась в 104 гол., т.е. почти 20% поголовья: от болезней – 60; от волков – 14; на мясо – 28, потерялось – 2.

Большое количество гибели от болезней объясняется недостаточным ветеринарным надзором. Относительно большое число убитых на мясо было следствием весьма неблагоприятного охотничьего сезона 1928-29 гг.

Оленеводство этой группы представляло интерес еще и в том отношении, что у части хозяйств сохранялся в довольно чистом виде тип крупного тунгусского оленя. Причину его сохранения среди мелких юрацких оленей можно объяснить происходившими до недавнего времени хозяйственными сношениями наших эвенков с их восточными родичами.

Почти не употребляя собак на охоте, чапогыро-панкагырские эвенки переходили к применению юрацких оленегонов.

Особо нужно отметить, что в хозяйстве П. Аркадьева были две борзые. Он достал их когда-то у русских на Енисее и употреблял на охоте за оленями и зайцами. Телят и годовиков борзые давили свободно, нападали они и на домашних оленей, поэтому их держали на привязи. Этот факт единичен, но интересен тем, что доказывает известную возможность применения борзых в условиях тундры. Любопытна сама возможность выживания этих нежных собак в подобных условиях. Отметим, что к волкам их не притравливали из опасения, что волки их порвут.

Наиболее распространенное и важное орудие добычи – пасть. Следует отметить, что до сего времени существует глубоко ошибочный взгляд на эту ловушку как устарелую, вредную, подлежащую замене капканом. В действительности пасть совершенно уместна и необходима в тундре. Ловушка стационарная, просгая в обслуживании. Аккуратно сделанная, она отлично сохраняет добычу, а главное, не может потеряться или быть занесенной снегом, что постоянно бывает с капканами. Пасть к тому же – ориентир в тунд-

ре, не нужно тратить время на ее поиски, тем более что они стоят всегда в ряду. В то же время пастник не может увеличиваться до беспредельности, он ограничивается возможностью достаточно частого вымотра хозяином. Капкан же – полезное дополнение к пасти, его ставят по мере надобности, в основном, на оставленных чумовищах, куда обязательно заглядывает любящий пользоваться отбросами песец.

Количество пастей в группе достигало 1565 шт. при средней 62,2 на хозяйство с максимумом в 250 шт. Количество обслуживаемых пастей прямо зависело от количества упругих оленей.

Каждый хозяин имел наследственные пастники, заведенные прадедами. Они были обычно приурочены к водораздельной тундре, по возможности поперек междуречья, если вдоль русла имеется листовничник; этим облегчается возможность подвоза леса с двух концов пастника. Пасти расположены рядами, в 150-200 м одна от другой, с промежутком между рядами около 2 км.

Основная работа у пастей, как сказано, – подвоз леса в марте и починка в августе. Пасть ставится на холмике высотой около 1 м и 0,5 м длины. С двух сторон лежащих бревен ставятся палки – “закрытая пасть”. Насторожка в конце октября, поронка в конце марта-начале апреля. Оставлять пасть настороженной на лето нельзя. Раскисшая земля не выдержит, и пасть расплзется. Если следить за пастью, она без капитального ремонта может служить лет 10 и более. Насторожка готовится из мелко рубленой рыбы до 0,5 кг на один раз.

Капканов в 1929 г. было зарегистрировано 49, т.е. около 2 на хозяйство, в то время как у каждого охотника их для подсобного лова должно было бы быть до 20 шт.

Черканы были найдены лишь в хозяйствах трех человек в количестве 25, 10 и 4 шт.

Огнестрельным оружием эвенки этой группы были снабжены достаточно. Было зарегистрировано 28 винтовок, главным образом, бердана. Дробовиков 36, главным образом, шомпольных и один двуствольный, центрального боя. Луков обнаружено не было. Летом ружье носят в чехле с разрезом с обеих сторон по прикладу и ремнем на оба плеча. Зимой к санкам сбоку плотно привязан просторный и длинный чехол из грубой кожи, в котором, прикладом вперед, всюду следует за хозяином винтовка.

Орудиями рыбного промысла служат преимущественно пушальни, как наиболее портативная ловушка. Общее количество их

было равно 120, по 6 в среднем, с максимумом в 20 шт. Употребительны они зимой и летом. Наиболее ценится сеть из конского волоса, т. к. не мерзнет.

Невод в то время существовал только один, им его хозяин, П. Аркадьев, промышлял на Тазу.

Широко распространены среди окружающих народов заборы. Эвенки данной группы, в силу своей подвижности, их не устраивали совсем.

“Ветки” (челноки) имелись в каждом почти хозяйстве (всего 24), но значение их было не столь велико, как, скажем, у селькупов. В маршруте эвенк сплошь и рядом довольствовался наскоро сделанным плотом. Лодок было зарегистрировано всего две.

Общее количество добываемой рыбы определялось 2775 пудами, или 111,8 пуда на хозяйство. По сравнению с добычей соседних народностей количество это очень невелико. Рыба была преимущественно пищей только у членов самых недостаточных хозяйств.

Заклячая заметки о прошлом доенсейских эвенков, подчеркнем, что сама возможность сохранения ими исконного быта определялась наличием диких копытных.

В наибольшей степени лоси определяли благополучие эвенкинской семьи. Этому зверю уделялось основное внимание, и о нем проявлялась забота. Искони лоси были для эвенков предметом не промысла, а подлинного хозяйства. Эвенки совершенно точно знали размеры лосиного поголовья на своих угодьях и убивали ровно столько животных, сколько было нужно, и именно в то время, когда звери наиболее жирны. Совершенно невозможным было убить зверя и бросать в тайге без использования всего, что можно взять от туши. Более того, эвенки прекрасно знали состояние лосиных угодий, пастбищ зверя. В случае надобности, для увеличения площади лиственничного молодняка, в ранневесеннее время (чтобы не вызвать пожара) выжигались мысы на речках, что уже было вполне “биотехническим” мероприятием.

Там, где лось исчезал, как, например, в верховьях Таза, эвенки оседали и сливались с окружающим населением. Там, где можно было заменить отсутствующих лосей диким оленем (а сырье, получаемое от лосей, гораздо ценнее оленьего), эвенки делали, как это было на верховьях Турухана.

Литература:

Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. – СПб, 1896.

Басилевич И. Заметки о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // "Советский Север". – 1931. – №10.

Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края // Новосибирск, 1925.

Костров Н. Очерки Туруханского края. – Записки Сибирского отдела Имп. Русск. Геогр. Общ., Кн. IV. – 1857.

Орлова Е.Н. Население по рр. Кети и Тыму, его хозяйство и быт. Нарымские тунгусы. – Работа научно-промысловой экспедиции по изучению р. Оби и ее бассейна, Т. 1, Вып. 1. – Красноярск, 1928.

Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. 1, Тунгусы собственно. Вып. 1, 2. – СПб., 1906.

Скалон В.Н. В тундре Верхнего Таза // "Советский Север". – 1930, №8.

Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне р. Таза // "Советский Север". – 1931. – №6.

Скалон В.Н. О тунгусском олене на томском севере // "Охотник и пушник Сибири". – 1938. – №6.

Ткаченко А.Ф. Отчет начальника Тазовской экспедиции о работе в бассейне р. Таза в период с 5 июля 1929 г. по 1 ноября 1930 г. Рукопись.

Шухов И.Н. Тунгус – зверолов в бассейне р. Урны // "Охотник и пушник Сибири". – 1927. – №8.